

Когда была наряжена Судебная палата для расследования деятельности чинов финансового ведомства,¹⁷ Король заметил: «Эх! Те, кого будут обвинять, разлюбят меня».

Король вместе с г-ном де Бельгардом, маршалом де Роклором и другими часто обедал у Заме* и в других кабачках. Когда очередь дошла до Маршала, тот заявил Королю, что не знает, где его угощать, разве только в кабачке «Трех Мавров». Король отправился туда. У сотрапезников его был один паж на двоих, а у Короля свой собственный. «Потому что мой камер-паж, — сказал он, — никому не станет прислуживать, кроме меня». Этим пажом был г-н де Ракан, оставивший нам прекрасные стихи.

Жители Эрнесе, в Шампани, поднесли Королю вина, уверив его, что лучшего нет во всем королевстве и что они готовы подтвердить свои слова *ad roenam libris*. «Мне доводилось слышать: *ad roenam libris*,¹⁸ — сказал Король. — Не мудрено, государь, — отвечал тот, кто держал речь, — от нашего вина такие „S“ порой выписываются».

Однажды Король отправился к принцессе де Конде, вдове принца де Конде Горбатого; там он обнаружил лютю, на обратной стороне которой было начертано двустишие:

В разлуке с ним томлюсь душой:
Мечтаю об одном — о смерти.

Он добавил:

Вы тетушке моей не верьте:
У ней в мечтах весь род мужской.

Дама эта была весьма любвеобильна. Она происходила из рода Лонгвель.

Незадолго до сдачи Парижа, в то время как Король мучился бессонницей, оттого что никак не мог решиться порвать со своею верою, Крийон сказал ему: «Право же, государь, просто смешно ломать себе голову над тем, принимать ли веру, которая принесет вам власть!». А ведь Крийон был добрый христианин — однажды, молясь перед распятым, он вдруг возгласил: «О господи! будь я в ту пору там, никогда бы тебя не распяли!». Мне сдается даже, он обнажил при этом оружие, подобно Хлодвигу¹⁹ в его дружинке во время проповеди святого Ремн. Тот же Крийон, когда его стали обучать тапцам, в ответ на слова: «Склонитесь, отступите», — воскликнул: «Отнюдь! Крийон ни перед кем не склонился и никогда не отступал». Можно ли вообразить себе более истинного гасконца? Будучи полковником Гвардейского полка, он отказался убить г-на де Гиза. Когда же г-н де Гиз младший, в бытность свою губернатором Прованса, вздумал поднять гарнизон Марселя по ложной тревоге и, явил-

* Когда потариус осведомился у Заме о его почетном званьи, тот сказал ему: «Пишите: сеньяр, владетель миллиона восьмисот тысяч акю».